

окрестностях Рамлы, города, отстоявшего в трех лье, в котором он хотел разжиться ценной добычей. Поскольку настоятель не состоял в армии и посему мог делать все, что считал нужным, он отправился в ту сторону, не сказав королю ни слова. Но когда он собрал свою добычу, на него напали сарацины и нанесли ему такое сокрушительное поражение, что из всех, кто был при нем, спаслись бегством всего четыре человека.

Вернувшись в лагерь, настоятель призвал всех к оружию. Надев доспехи, я попросил у короля разрешения отправиться в это место. Король дал мне на это добро и приказал взять с собой храмовников и госпитальеров. Когда мы прибыли туда, то увидели, что несколько сарацин из окружающих районов направляются в ту долину, где потерпел поражение орден Святого Лазаря. Пока сарацины рассматривали убитых, капитан королевских арбалетчиков внезапно атаковал их, и не успели мы достичь этого места, как сарацины были разогнаны, а несколько из них убиты.

Один из королевских оруженосцев и сарацин ударами копий сбросили друг друга с коней на землю. Увидя это, другой из королевских воинов перехватил их коней и повел их в сторону, намереваясь украсть. Поскольку никто его не заметил, он скрылся в стенах города Рамла. Уводя лошадей, он прошел по краю старого водоема, и тот обвалился под ним. И он, и все три лошади рухнули на дно. Я отправился посмотреть на этот водоем и увидел, что обвалившаяся земля почти полностью засыпала человека и лошадей. Мы вернулись в лагерь без потерь, не считая тех, кого потерял орден Святого Лазаря.

Заклучив мир с египетскими эмирами, султан Дамаска решил отозвать тех своих людей, которые были в Газе. Эти войска прошли меньше чем в двух лье от нашего лагеря, но так и не осмелились напасть на нас, хотя в их рядах было добрых две тысячи сарацин и не меньше десяти тысяч бедуинов. Еще до того, как они приблизились к нам, командир королевских арбалетчиков и его отряд целых три дня и три ночи неотступно наблюдали за их передвижениями, чтобы предотвратить неожиданное нападение на наш лагерь.

В День святого Иоанна Евангелиста, вскоре после Пасхи, король отправился послушать проповедь. Пока священник говорил, оруженосец из отряда арбалетчиков в полном вооружении вошел в королевскую часовню и сказал, что сарацины окружили их командира. Я попросил у короля разрешения отправиться к нему на помощь. Он удовлетворил мою просьбу и велел взять с собой четыре или пять сотен воинов, поименно назвав тех, которых хотел отправить со мной. Как только мы вышли из лагеря, сарацины, которые расположились между командиром арбалетчиков и нашим лагерем, отступили к эмиру, который стоял на холме в окружении доброй тысячи вооруженных воинов.

Так началось сражение между сарацинами и нашими арбалетчиками, которых было на месте не более ста восьмидесяти человек. Эмир, увидев, что его люди не выдерживают давления, послал им подкрепление, и сарацины отбросили наши силы. В свою очередь, как только командир увидел, что наши люди уступают натиску, он послал им на помощь сто или сто двадцать человек, которые оттеснили наступавших обратно к отряду эмира.

Пока мы были там, папский легат и сеньоры заморских земель, которые остались с королем, сказали ему, что он действовал очень непродуманно, подвергнув меня такой опасности. По их совету король отозвал меня обратно (вместе с командиром арбалетчиков). В этот момент сарацины отступили, и мы все вернулись в лагерь. Многие удивлялись, почему противник не решился атаковать нас, но другие сказали, что если им не удалось сделать это, то лишь потому, что и сарацины, и их кони оголодали в Газе, где стояли почти год.

После того как сарацины оставили свой лагерь у Яффы и встали под Акрой, они прислали сказать мессире Арсуфу, который был коннетаблем Иерусалимского королевства, что уничтожат все сады города, если он не пришлет им пятьдесят тысяч безантов. Он послал им ответ, что не даст ни одного. Так что они подвели свои войска и расположили их на песках вокруг Акры, встав от города на расстоянии полета арбалетной стрелы. Чтобы защитить сады, Арсуф вышел из города и занял позицию на горе Святого Иоанна, где лежало кладбище Святого Николая. Наши пешие оруженосцы тоже вышли из города и начали обстреливать сарацин из луков и арбалетов.

Мессир Арсуф вызвал генуэзского рыцаря Джианноне и приказал ему отправиться возглавить пешие войска, которые вышли из Акры, чтобы они не попали в беду. Когда генуэзец отводил их обратно, один из вражеских воинов стал кричать ему по-сарацински, что готов сразиться с ним, если он того пожелает. Сир Джианноне сказал, что с удовольствием принимает его вызов, но, направляясь к сарацину, посмотрел налево и увидел небольшой отряд турок, примерно из восьми